

КНИГА ПЕРВАЯ

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл
Лавинийским.

Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.

⁵ Долго и войны он вел, — до того, как, город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.

Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,

¹⁰ Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.

¹⁵ Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство

возвысить.

Только слыхала она, что возникнет от крови троянской

²⁰ Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый войною,

Ливии гибель неся, придет: так Парки судили.
Страх пред грядущим томил богиню и память о битвах
Прежних, в которых она защищала любезных аргиев.
25 Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной презренье,
И Ганимеда почет, и царский род ненавистный.
Гнев ее не слабел; по морям бросаемых тевкров,
30 Что от данайцев спаслись и от ярости грозной Ахилла,
Долго в Лаций она не пускала, и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам соленым блуждали.
Вот сколь огромны труды, положившие Риму начало.

Из виду скрылся едва Сицилии берег, и море
35 Вспенили медью они, и радостно подняли парус,
Тотчас Юнона, в душе скрывая вечную рану,
Так сказала себе: «Уж мне ль отступить, побежденной?
Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров владыку?
Пусть мне судьба не велит! Но ведь сил достало Палладе
40 Флот аргиев спалить, а самих потопить их в пучине
Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?
Быстрый огонь громовержца сама из тучи метнула
И, разбросав корабли, всколыхнула ветрами волны.
Сам же Аякс, из пронзенной груди огонь выдыхавший,
45 Вихрем вынесен был и к скале пригвожден островерхой.
Я же, царица богов, громовержца сестра и супруга,
Битвы столько уж лет веду с одним лишь народом!
Кто же Юноны теперь почитать величие станет,
Кто, с мольбой преклонясь, почитит алтарь мой дарами?»
50 Так помышляя в душе, огнем обиды объята,
В край богиня спешит, ураганом чреватый и бурей:
Там, на Эолии, царь Эол в пещере обширной
Шумные ветры замкнул и друг другу враждебные
вихри, —

Властью смилив их своей, обуздав тюрьмой и цепями.
 55 Ропщут гневно они, и горы рокотом грозным
 Им отвечают вокруг. Сидит на вершине скалистой
 Сам скиптродержец Эол и гнев их душ укрощает, —
 Или же б море с землей и своды высокие неба
 В бурном порыве сметут и развеют в воздухе ветры.
 60 Но всемогущий Отец заточил их в мрачных пещерах,
 Горы поверх взгромоздил и, боясь их злобного
 буйства,
 Дал им владыку-царя, который, верен словью,
 Их и сдержать, и ослабить узду по приказу умеет,
 Стала Эола молить Юнона такими словами:
 65 «Дал тебе власть родитель богов и людей повелитель
 Бури морские смирять или вновь их вздымать
 над пучиной.
 Ныне враждебный мне род плывет по волнам
 Тирренским,
 Морем в Италию мча Илион и сраженных пенатов.
 Ветру великую мощь придай и обрушь на корму им,
 70 Врозь разбросай корабли, рассеяй тела по пучинам!
 Дважды семеро нимф, блистающих прелестью тела,
 Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.
 Я за услугу твою тебе отдам ее в жены,
 Вас на все времена нерушимым свяжу я союзом,
 75 Чтобы прекрасных детей родителем стал ты
 счастливым».

Ей отвечает Эол: «Твоя забота, царица,
 Знать, что ты хочешь, а мне надлежит исполнять
 повеленья.
 Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость,
 Ты мне право даешь возлежать на пирах у всевышних,
 80 Сделав меня повелителем бурь и туч дожденосных».

Вымолвив так, он обратным концом копья ударяет
В бок пустотелой горы, — и ветры уверенным строем
Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над сушей.
На море вместе напав, до глубокого дна возмущают
⁸⁵ Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
Африк, вздувая валы и на берег бешено мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей
корабельных.

Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
⁹⁰ Вторит громам небосвод, и эфир полыхает огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам угрожает.
Тело Энею сковал внезапный холод. Со стоном
Руки к светилам воздев, он молвит голосом громким:
«Трижды, четырежды тот блажен, кто под стенами
Трои

⁹⁵ Перед очами отцов в бою повстречался со смертью!
О Диомед, о Тидид, из народа данайцев храбрейший!
О, когда бы и мне довелось на полях илионских
Дух испустить под ударом твоей могучей десницы,
Там, где Гектор сражен Ахилла копьем, где огромный
¹⁰⁰ Пал Сарпедон, где так много несло Симоента течение
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!»

Так говорил он. Меж тем ураганом ревущая буря
Яростно рвет паруса и валы до звезд воздымает.
Сломаны весла; корабль, повернувшись, волнам
подставляет

¹⁰⁵ Борт свой; несется вослед крутая гора водяная.
Здесь корабли на гребне волны, а там расступились
Воды, дно обнажив и песок взметая клубами.
Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы
(Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь моря, —
¹¹⁰ Скрытый в пучине хребет), а три относит свирепый

Эвр с глубины на песчаную мель (глядеть на них
страшно),

Там разбивает о дно и валом песка окружает.

Видит Эней: на корабль, что вез ликийцев с Оронтом,

Падает сверху волна и бьет с неслыханной силой

¹¹⁵ Прямо в корму и стремглав уносит кормчего в море.

Рядом корабль другой повернулся трижды на месте,

Валом гоним, и пропал в воронке водоворота.

Изредка видны пловцы среди широкой пучины ревушей,

Доски плывут по волнам, щиты, сокровища Трои.

¹²⁰ Илионея корабль и Ахата прочное судно,

То, на котором Абант, и то, где Алет престарелый, —

Все одолела уже непогода: в трещинах днища,

Влагу враждебную внутрь ослабевшие швы пропускают.

Слышит Нептун между тем, как шумит

возмущенное море,

¹²⁵ Чует, что воля дана непогоде, что вдруг всколыхнулись

Воды до самых глубин, — и в тревоге тяжелой, желая

Царство свое обозреть, над волнами он голову поднял.

Видит: Энея суда по всему разбросаны морю,

Волны троянцев гнетут, в пучину рушится небо.

¹³⁰ Тотчас открылись ему сестры разгневанной козни.

Эвра к себе он зовет и Зефира и так говорит им:

«Вот до чего вы дошли, возгордившись родом высоким,

Ветры! Как смеее вы, моего не спросив изволения,

Небо с землею смешать и поднять такие громады?

¹³⁵ Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны, —

Вы же за эти дела наказаны будете строго!

Мчитесь скорей и вашему так господину скажите:

Жребием мне вручены над морями власть и трезубец,

Мне — не ему! А его владенья — тяжкие скалы,

¹⁴⁰ Ваши, Эвр, дома. Так пусть о них и печется

И над темницей ветров Эол господствует прочной».

Так говорит он, и вмиг умирят смятенное море,
Туч разгоняет толпу и на небо солнце выводит.
С острой вершины скалы Тритон с Кимотоей

столкнули

¹⁴⁵ Мощным усиьем суда, и трезубцем их бог поднимает,
Путь им открыв сквозь обширную мель и утишив

пучину,

Сам же по гребням валов летит на легких колесах.
Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной
Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется.

¹⁵⁰ Факелы, камни летят, превращенные буйством в оружие,
Но лишь увидят, что муж, благочестьем и доблестью
славный,

Близится, — все обступают его и молча внимают
Слову, что вмиг смягчает сердца и душами правит.
Так же и на море гул затих, лишь только родитель,

¹⁵⁵ Гладь его обозрев, пред собою небо очистил
И, повернув скакунов, полетел в колеснице послушной.

Правят свой путь между тем энеады усталые

к суше —

Лишь бы поближе была! — и плывут к побережьям
Ливийским.

Место укромное есть, где гавань тихую создал,

¹⁶⁰ Берег собою прикрыв, островок: набегая из моря,
Здесь разбивается зыбь и расходится легким волненьем.
С той и с другой стороны стоят утесы; до неба
Две скалы поднялись; под отвесной стеною безмолвна
Вечно спокойная гладь. Меж трепещущих листьев —
поляна,

¹⁶⁵ Темная роща ее осеняет пугающей тенью.

В склоне напротив, средь скал нависших таится пещера,
В ней — пресноводный родник и скамьи из дикого
камня.

- Нимф обиталище здесь. Суда без привязи могут
Тут на покое стоять, якорями в дно не впиваясь.
- 170 Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту
Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы
На́ берег мчатся скорей, на песок желанный ложатся,
Вольно раскинув тела, увлажненные солью морскою.
Тотчас Ахат из кремня высекает яркую искру,
- 175 Листья сухие огонь подхватили, обильную пищу
Дали сучья ему — от огнива вспыхнуло пламя.
Вынув подмоченный хлеб и благой Цереры орудья,
Люди, усталость забыв, несут спасенные зерна.
Чтоб, на огне просушив, меж двух камней размолоть их.
- 180 Сам Эней между тем, на утес взобравшись высокий,
Взглядом обводит простор: не плывут ли гонимые
ветром
Капис или Антей, кораблей не видать ли фригийских
И не блеснут ли щиты с кормы Кайка высокой.
Нет в окоеме судов! Но над морем, — заметил он, —
бродят
- 185 Три оленя больших; вереницею длинной за ними
Следом все стадо идет и по значным долинам пасется.
Замер на месте Эней, и Ахатом носимые верным
Быстрые стрелы и лук схватил он в руки поспешно.
Прежде самих вожаков уложил, высоко носивших
- 190 Гордый убор ветвистых рогов; потом уже стадо
Стрелами он разогнал врассыпную по рощам зеленым.
Кончил не раньше Эней, чем семь огромных оленей
Наземь поверг, с числом кораблей число их сравнивши.
В гавань оттуда идет победитель, меж спутников делит
- 195 Вина, что добрый Акест поднес, кувшины наполнив,
В дар троянским гостям, покидавшим Тринакрии берег.
Всех вином оделив, он скорбящих сердца ободряет:
«О друзья! Нам случилось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям

200 Бог положит предел; вы узнали Сциллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно

вспомнить.

Через превратности все, через все испытанья стремимся
205 В Лаций, где мирные нам прибежища рок открывает:
Там предначертано вновь воскреснуть троянскому

царству.

Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!»
Так он молвит друзьям и, томимый тяжелой тревогой,
Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной.

210 Спутники тут за добычу взялись, о пире заботясь:
Мясо срывают с костей, взрезают утробу, и туши
Рубят в куски, и дрожащую плоть вертелами пронзают,
Ставят котлы на песке, и костры разводят у моря.
Все, возлежав на траве, обновляют пищею силы,

215 Старым вином насыщая себя и дичиною жирной.
Голод едой утолив и убрав столы после пира,
Вновь поминают они соратников, в море пропавших,
И, колеблясь душой меж надеждой и страхом, гадают,
Живы ль друзья или погибли давно и не слышат

зовущих.

220 Благочестивый Эней об отважном тоскует Оронте,
Плачет тайком о жестокой судьбе Амика и Лика,
Также о храбром скорбит Гиасе и храбром Клоанте.

Кончился пир; в этот миг с высоты эфира Юпитер,
Парусолетных морей равнину, простертые земли
225 И племена обозрев, широко расселенные в мире,
Встал на вершине небес и на Ливии взгляд задержал
свой.

Тут к Отцу, что в душе был таких забот преисполнен,
Грустная, слезы в глазах блестящих, — подходит Венера,

Молвит такие слова: «Над делами бессмертных
и смертных

230 Вечная власть тебе вручена и молнии стрелы, —
Чем виноват пред тобой мой Эней, о Родитель?
Троянцы
Чем виноваты, скажи? Почему для них, претерпевших
Столько утрат, недоступен весь мир, кроме стран
Италийских?

Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра старинной
235 Там, в Италии, род победителей-римлян восстанет,
Будут править они полновластно морем и сушей, —
Ты обещал. Почему же твое изменилось решение?
Видя Трои закат и крушение, я утешалась
Мыслью, что тевкров судьбу иная судьба перевесит.
240 Но и поныне мужей, испытавших столько страданий,
Та же участь гнетет. Где предел их бедам, властитель?
Мог ведь герой Антенор, ускользнув из рук у ахейцев,
В бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства
проникнуть

И без вреда перейти бурливый Источник Тимава
245 Там, где, сквозь девять горл из глубин горы вырываясь,
Он попирает поля, многошумному морю подобен.
Там Антенор основал Патавий — убежище тевкров,
Имя племени дал и оружие Трои повесил;
В сладостном мире теперь он живет, не зная тревоги.
250 Мы же — потомство твое, нам чертог небесный сулил ты,
Мы, потеряв корабли, из-за гнева одной лишь богини
(Страшно молвить) вдали от Италии вновь оказались.
Вот благочестью почет! Ты так нашу власть
возрождаешь?»

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных
и смертных
255 Светлой улыбкой своей, что с небес прогоняет ненастье,

Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил:
 «Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.
 Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
 И до небесных светил высоко возвеличишь Энея
 260 Великодушного ты. Мое неизменно решение.
 Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
 Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою:
 Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
 Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,
 265 Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,
 Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
 Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом
 отныне, —
 Илом был он, пока Илионское царство стояло), —
 Властвовать будет, доколь обращение луны не отмерит
 270 Тридцать великих кругов; перенесши из мест
 лавинийских
 Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
 В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
 Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
 Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
 275 После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
 Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
 Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
 Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
 Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
 280 Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
 Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
 Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
 Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
 Род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией
 285 Будет владеть и в неволе держать побежденных аргиев.
 Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
 Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,

Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
290 Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людам законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
295 Связана сотней узлов, восседа на груди оружия,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой».

Так он сказал и с небес посылает рожденного Майей,
Чтоб Карфагена земля и новая крепость для тевкров
Дверь отворила свою, чтоб Дидона перед гостями,
300 Воле судеб вопреки, ненароком границ не закрывала.
Мчится, плывя на крылах, по воздуху в Ливию вестник,
Там исполняет приказ: по велению бога пунийцы
Тотчас жестокость свою позабыли; первой царица,
Сердцем к миру склонясь, дружелюбием исполнилась
к тевкрам.

305 Благочестивый Эней, от забот и дум не сомкнувший
Глаз во всю ночь, поутру, лишь забрезжил рассвет
благодатный,
Все решил разузнать: куда их забросило ветром,
Кто владеет страной (невозделано было побережье) —
Люди иль звери одни, — и спутникам тотчас поведать.
310 Флот под сводом лесов укрыв в углубленье скалистом,
Там, где деревья вокруг нависают пугающей тенью,
В путь пустился Эней, с собою взяв лишь Ахата;
Шел он, зажавши в руке две пики с жалом железным.
Мать явилась ему навстречу среди леса густого,
315 Девы обличье приняв, надев оружие девы —
Или спартанки, иль той Гарпалики фракийской,
что мчится

Вскачь, загоняя коней, настигая крылатого Эвра.
Легкий лук за плечо на охотничий лад переброшен,
Отданы кудри во власть ветеркам, свободное платье
320 Собрано в узел, открыв до колен обнаженные ноги.
Первой молвит она: «Эй, юноши, мне вы скажите,
Может быть, видели вы сестер моих? Здесь они бродят,
Каждая носит колчан и одета шкурой пятнистой
Рыси; гонят они кабана свирепого с криком».

325 Так Венере в ответ сказал рожденный Венерой:
«Нет, я здесь не видал и не слышал сестер твоих,
дева, —
Как мне тебя называть? Ты лицом не похожа на смертных,
Голос не так звучит, как у нас. Ты, верно, богиня, —
Или Феба сестра, иль с нимфами крови единой.
330 Счастлива будь, кто б ты ни была! Облегчи нам заботу:
Где мы, под небом каким, на берег края какого
Нас занесло, ты открой. Ни людей, ни места не зная,
Здесь мы блуждаем, куда нас прибило волнами
и ветром.
Мы ж пред твоим алтарем обильные жертвы заколем».

335 Им отвечает она: «Я чести такой недостойна.
Девушки тирские все колчаны носят такие,
Ходят, ноги обвив ремнем пурпурных котурнов.
Царство пунийцев ты зришь, Агеноров город
тирийский;
Прежде подвластен был край ливийцам,
в бою необорным,
340 Ныне правит страной Дидона, от брата из Тира
В этот бежавшая край. Велика обида, и так же
Повесть о ней велика: лишь о главном вам расскажу я.
Был ей мужем Сихей, богатейший среди финикийцев.
Крепко любила его жена, впервые вступивши